

Тохтабаева Ш.

д.и.н., доцент, главный научный сотрудник,
Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: shausha2007@mail.ru

СИМВОЛИКА КАЗАХСКИХ ГРЕБНЕЙ

Актуальность и новизна темы обоснованы возникающим вниманием мирового сообщества к осмыслению коллективного бессознательного в этнических культурах. В этом контексте поставленная цель – выявление роли архетипической матрицы в возникновении и общности символики гребней Казахстана в общемировом контексте представляется вполне обоснованной. Новой является как сама постановка проблемы – интерпретация смыслообразующей сути конкретного объекта казахской культуры – гребня, так и масштаб осмысления его в русле мировых традиций. Главной идеей работы является раскрытие роли архетипов – основной причины возникновения единых категорий предметов гигиены (гребней) с общностью их смыслового наполнения в планетарном масштабе. В качестве метода используется комплексно-системный, в том числе историко-сравнительный, анализ гребней с использованием данных междисциплинарных наук (археологии, этнологии, искусствоведения, семиотики, фольклора). В зарождении конструкции гребня, видимо, отобразилось архаичное мировоззрение человека о контрасте двух дуальных сил. Демонической нечисти, т.е. паразитам, угрожающим здоровью, были противопоставлены вырезанные зубья, ассоциировавшиеся с устрашающими зубами хищников. В этом, можно сказать, прослеживается задействованность амбивалентного кода – одного из архетипических матриц коллективного бессознательного. Представление о магической катартической и одновременно защитной силе костяных гребней сформировалось на основе слияния санитарных функций предмета и контакта его с «жизненной энергией» волос, семантика которых возникла гораздо раньше. Все это явилось причиной обнаружения в древних захоронениях Казахстана и других странах мира общих категорий предметов: гребней-амулетов для декора керамики, а также гребней для расчесывания волос и гребней-заколов для декора прически. С течением времени гребни наполнялись новыми декоративными идеями сообразно этническим особенностям и художественной эволюции. Изначальное символическое ядро гребней в ходе своего развития обрастало дополнительными мысле-формами. В силу знаковой содержательности образ гребня, с интонациями чудодейственной магии, получил отображение в смежных областях традиционной творческой деятельности казахского народа. В целом результаты статьи внесли существенные дополнения теоретического характера в проблему этиологии культурной общности в мировом масштабе. Вместе с этим итоги работы, демонстрируя идею общности архетипических образов в культуре всего человечества, направлены на формирование нового «коллективного» миролюбивого сознания людей, что важно при существующей политической обстановке в мире.

Ключевые слова: археология, этнография, гребни, символика, архетип, традиции, компаративистика.

Tokhtabayeva Sh.

PhD, Associate Professor,
The Main science collaborator, R.B. Suleimenov Institute of the Oriental Studies,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: shausha2007@mail.ru

The symbols of kazakh trophies

The urgency and novelty of the topic are justified by the emerging attention of the world community to the comprehension of the collective unconscious in ethnic cultures. In this context, the stated goal – the identification of the role of the archetypal matrix in the origin and symbolism of the crests of

Kazakhstan is quite justified. What is new is the very formulation of the problem – the interpretation of the meaning of the essence of a particular object of the Kazakh culture– the crest, and the scale of its comprehension in the mainstream of world traditions. The main idea of the work is the disclosure of the role of archetypes in the emergence of uniform categories of hygiene products (combs) with the commonness of their semantic content on a planetary scale. The purpose of the article is to identify the archetypal matrixes in the origins and symbolism of Kazakhstan’s crests in the global context. As a method, a systematic, including a historical-comparative, complex analysis of crests using data from interdisciplinary sciences (archeology, ethnology, art criticism, semiotics, folklore studies) is used as a method. Main research results. In the emergence of the design of the crest, apparently, the archaic worldview of man was shown about the opposition of two dual forces. Demonic evil spirits, i.e. parasites, threatening health, were contrasted with carved teeth, associated with the terrifying teeth of predators. In this, it can be said, that the involvement of ambivalent code – one of the archetypal matrix of the collective unconscious – is traced. The idea of the magic cathartic and at the same time protective force of bone combs was formed on the basis of the fusion of the sanitary functions of the object and its contact with the «life energy» of hair, the semantics of which arose much earlier. All this was the reason for the discovery in ancient burials of Kazakhstan and many other countries of the world of general categories of objects: amulets for decorating ceramics, combs for combing hair and comb-hairpins for hair. Over time, the crests were filled with new decorative ideas in accordance with ethnic characteristics and artistic evolution. The original symbolic core of the crests in the course of its development acquired additional thought-forms. Due to sign content, the image of the crest, with intonations of miraculous magic, was reflected in related areas of Kazakh folk art. In general, the results of the article have made significant theoretical additions to the problem of the etiology of cultural community on a global scale. Together with this, the results of the work, demonstrating the idea of a commonality of archetypal images in the culture of all mankind, will influence the formation of a new «collective» peace-loving consciousness of people, which is important under the existing political situation in the world.

Key words: archeology, ethnography, crests, symbolism, archetype, traditions, comparative studies.

Тохтабаева Ш.

тарих ғылымдарының докторы, доцент, бас ғылыми қызметкер,
Қазақстан Республикасы Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: shausha2007@mai.ru.

Қазақ тарақтарының символикасы

Тақырыптың өзектілігі мен сонылығы дүниежүзілік қауымдастықтың этникалық мәдениеттердегі ұжымдық санасыздың мәнін түсінуге назар аударуға негізделген. Осы контекстегі қойылған мақсат – Қазақстандағы тарақтың пайда болуы мен оның символикаларының архетиптік матрицасының рөлін айқындауға толығымен негізделген. Қазақ мәдениетінің нақты объектісі – тарақтың мағына тудырушы мәнісіне талдау беру мәселесінің қойылуы да, оны әлемдік дәстүрлер тұрғысынан ұғындыру ауқымы да соны болып отыр. Гигиена бұйымдарының (тарақ) ортақ категорияларының ғаламшарлық ауқымында олардың мағыналық толтырылуымен ортақтығының пайда болуындағы архетиптердің мәнін ашу – осы жұмыстың басты идеясы болып табылады. Зерттеу әдісі ретінде пәнаралық ғылымдардың (археология, этнология, өнертану, семиотика, фольклор) мәліметтерін пайдалана отырып, тарақтарға жүйелі, оның ішінде, тарихи-салыстырмалы кешенді талдау тәсілі қолданылады. Зерттеу жұмысының негізгі нәтижелері. Тарақ конструкциясының туындауында – қосарлы екі күштің қарама-қарсылығы туралы адамның атам заманғы дүниетанымы көрінуі мүмкін. Жын-шайтандар, басқаша айтқанда, денсаулыққа қауіп төндіретін тоғышарларды имендіретін жыртқыштардың тістерімен ассоциацияланатын кесіген тістер қарсы келтірілді. Осында ұжымдық санасыздықтағы архетиптік матрицаларының бірі болатын, амбивалентті кодтың іске қосылуы білінеді. Сүйек тарақтардың дуалы катарсистігі және онымен қатар, қорғаныш күші туралы түсінік бұйымның санитарлық қызметі мен семантикасы, ертеректе пайда болған шаштың «өмірлік қуатымен» байланысы негізінде қалыптасқан. Осылардың барлығы да Қазақстан мен әлемнің басқа да елдеріндегі көне қорымдардағы бұйымдардың жалпы категориялары: керамикаға зер салуға арналған тұмар тарақтар, шаш тарауға арналған тарақтар және шашты сәндеуге арналған шаш қыстырғыштардың табылу себебіне айналды. Уақыт өткен сайын, тарақтар этникалық ерекшеліктері мен көркемөнер эволюциясына сәйкес болатын жаңа декоративтік идеялармен толтырылды. Тарақтардың бастапқы символдық ядросы өзінің даму барысында қосымша ой пішіндерімен толықтырылды. Тарақтың таңбалық мазмұндылығы ғажайып сиқырлы интонациялары бар кейпі қазақ халқының дәстүрлі шығармашылық қызметінің іргелес салаларында өз көрінісін тапты. Тұтас алғанда, мақаланың нәтижелері дүниежүзілік ауқымдағы мәдени ортақтықтың этиологиясын әжептәуір толықтырды. Тұтас алғанда, мақаланың нәтижелері дүниежүзілік ауқымдағы мәдени ортақтықтың этиологиясы мәселесіне

теориялық сипаттағы біршама толықтырулар енгізді. Сонымен қатар, осы жұмыстың нәтижелері бүкіл адамзат мәдениетіндегі архетиптік бейне ортақтығы идеясын көрсете отырып, әлемдегі қазіргі саяси ахуал жағдайында маңызы бар адамдардың жаңа «ұжымдық» бейбітшіл санасын қалыптастыруға әсерін тигізеді.

Түйін сөздер: археология, этнография, тарақтар, символика, архетип, дәстүрлер, компаративистика.

Введение

Актуальность и новизна темы обоснованы возникающим вниманием мирового сообщества к осмыслению архетипов в этнических культурах. Однако, выявление архетипических мыслетипов в общераспространенных категориях гигиены – гребнях в сопоставлении с общемировыми аналогами, не было в поле внимания исследователей. Тогда как выбранный объект обладает емкой информацией историко-культурного содержания. В связи с этим в данной работе целью и предметом исследования является раскрытие роли архетипической матрицы в возникновении единых категорий предметов (гребней) и общности их символики в общемировом пространстве.

Результаты статьи внесут дополнения теоретического характера в проблему этиологии культурных взаимосвязей в мировом масштабе. Вместе с этим итоги работы, демонстрируя идею общности архетипов у всего человечества, будут влиять на формирование нового «коллективного» миролюбивого сознания человечества в планетарном масштабе, что важно при существующей политической обстановке в мире.

Объектом исследования являются древние и традиционные гребни Казахстана в контексте иноэтничных традиций. Предмет *исследования* – обнаружение культурных параллелей в мировых традициях смыслообразующей сути казахстанских гребней. Цель статьи – доказать роль архетипической матрицы коллективного бессознательного как основной причины возникновения в мировых традициях единых категорий предметов (гребней).

Задачи: 1 – обзор истоков появления гребней в общемировом контексте; 2 – краткая характеристика структурных признаков казахских традиционных гребней в сопоставлении с иноэтничными образцами, что необходимо для целостного представления о рассматриваемом объекте; 3 – исследование символики казахских гребней в сравнении с иноэтничными традициями; 4 – отражение образов казахских гребней в этнотрадиционной культуре: прикладном искусстве, мемориальной архитектуре, фольклоре, тамгах.

Научная методология основана на комплексно-системном анализе: культурно-генетическом, структурно-функциональном, историко-сравнительном, семиотическом анализах с использованием данных междисциплинарных наук (археологии, этнологии, искусствоведении, семиотики, фольклористики). Использован также метод герменевтики, необходимый для интерпретации традиционной культуры в качестве художественного текста

В исследовательские вопросы входят: определение временной глубины в возникновении гребней на территории Казахстана и других стран; выявление особенностей традиционных форм и смыслового наполнения данной категории предмета у казахов; выявление конструктивно-символических параллелей данного объекта в иноэтничных культурах; установление причины возникновения единой категории предметов (гребней) с общностью их смыслового наполнения в общемировом пространстве.

Выдвигаемая в статье гипотеза сводится к следующему: определяющей причиной в возникновении единых категорий предметов (гребней) и общности их символики в общемировом пространстве является архетипический паттерн коллективного бессознательного. Этапы исследования сводились к тому, что вначале была изучена имеющаяся доступная литература по категории гребней Египта, Европы, России, Казахстана. Из-за отсутствия зарубежной англоязычной литературы по данному объекту использовались краткие данные, извлеченные из Интернета по гребням Испании, Японии, Франции. Были осмыслены, описаны гребни из археологических раскопок Казахстана и других стран, а также музейных коллекций Казахстана. Обобщены также описания традиционных гребней, зафиксированных в полевых экспедициях. Была исследована символика казахских гребней в сопоставлении с иноэтничными традициями. Выявлено отражение образов гребней в других сферах творческой деятельности казахов. В итоге, вследствие интерпретации полученных результатов и выводов решался главный вопрос работы – выявление причины возникновения единой категории предметов

(гребней) с общностью их смыслового наполнения в общемировом пространстве.

Статистика. В качестве изучаемого объекта были рассмотрены гребни из археологических раскопок Казахстана (12 ед.), других стран (12 ед.) отечественных музейных собраний (15 ед.). Использованы также материалы полевых экспедиций автора (Тохтабаева, 1975–2000), в ходе которых фотографировались гребни (15 ед.), производились опросы, а также беседы-интервью с информантами относительно обычаев и обрядов, связанных с изучаемыми объектами.

Результаты исследования выявили историко-культурную содержательность изучаемого объекта (глубину генезиса, широту бытования и художественно-символическую значимость) в культуре всех народов.

В казахстанской литературе содержатся лишь упоминания о гребнях, обнаруженных в археологических раскопках, что дает возможность определить генезис данной категории предмета в степных просторах. Исключение составляет более детальное описание формы гребня из 6 комплекса Таксай I Теректинского района Западно-Казахстанской области с сюжетным рисунком (Алтынбек, 2013), идейно-смысловое содержание которого впервые интерпретировано автором данной статьи. Из российских ученых некоторое внимание русским гребням уделено Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1987). Краткое упоминание о гребнях наряду с иллюстрациями европейских гребней-заколок содержится в коллективном труде – энциклопедии моды (Кибалова, 1988: 342, 341, илл. 550).

Более системное и комплексное изучение категории гребней было осуществлено в диссертационных работах Ю.К. Сергеевой, проанализировавшей гребни Западной Сибири эпохи бронзы – средневековья (5) и О.А. Кондратьевой, посвятившей диссертацию анализу русских гребней, хранящихся в музейных коллекциях России (6). Результаты этих диссертаций, в которых были осуществлены описания, классификация, символика гребней, показали их глубокую информативность, что, отчасти, мотивировало обращение автора к казахским гребням в качестве научного объекта.

В данной статье, в отличие от предыдущих работ, казахстанские гребни впервые рассматриваются как полноценный историко-культурный источник в общемировом контексте. Инновационной является идея – выявить роль архетипической матрицы коллективного бессознательного в конструктивно-символической общности (с

некоторыми вариациями) общемировых элементов культуры – гребней.

1. На территории Казахстана наиболее ранними образцами предметов с вырезанными зубьями являются гребенчатые штампы, относящиеся к середине V тыс. до н.э., судя по декору керамики (История Казахстана, 1996: 89). В энеолитическом могильнике также обнаружены 10 костяных зубчатых штампов (Зайберт, 2011: 320–323). Встречаются в древних захоронениях также костяные, деревянные гребни или их фрагменты. Примечателен гребень-заколка (9, 5 X 4, 4) с семью удлинёнными зубьями (из которых только два целые) с полуовальным навершием (имеющим сквозное отверстие), выполненный из трубчатой кости крупного животного; артефакт обнаружен в могильнике «Шиликты» Восточного Казахстана, датирующимся VIII в. до н.э. (Археология, 2006: 152).

Пять костяных и деревянных гребней с удлинёнными восемью зубьями извлечены из могильника Джувантобе Семиречья VII–V вв. до н.э. (Агапов, 1979: 107, рис. 7). При этом три гребня имеют ручку в виде половины перевернутой трапеции; верхняя часть двух других гребней носит орнаментальный характер. Обращая внимание на малое количество зубьев и их удлинённость, а также декоративный характер верхней части, можно отнести эти артефакты к гребням-заколкам.

К шедевральному типу относится прямоугольной формы деревянный гребень с двухсторонними зубьями, центральная часть которого воспроизводит сюжетный рисунок. Данный артефакт, датируемый VI–V вв. до н.э., извлечен из кургана 6 комплекса Таксай I Теректинского района Западно-Казахстанской обл. Гребень лишь после длительной реставрации Крымом Алтынбековым приобрел первоначальный вид (Алтынбек, 2013: 10]. Рисунок воспроизводит возничего и лучника на колеснице, запряженной парой лошадей, а также противостоящим перед ними человеком, подающим правую руку, очевидно для рукопожатия, чем выражено, видимо, стремление к примирению.

Определенный интерес представляет подовальной формы костяной гребень с односторонними крупными зубьями и с маленькой ручкой в виде птичьего клюва, что, можно полагать, согласно архаичному мировоззрению людей, усиливало магико-охранительный эффект предмета. Артефакт, извлеченный из могильников Казахского Алтая, датируется III–I вв. до н.э. (Тасмагамбетов, 2003: 177).

Рисунок 1 – Ритуальный гребень. VI–V вв. до н.э.
Дерево, резьба. Таксай I. Музей г. Алматы РК

В городище Тараз X–XII вв. Жамбылской обл. обнаружены три костяных гребня, снабженных соразмерными тринадцатью зубьями (некоторые из которых сломаны) и «горбатым» верхом, снабженным сквозным отверстием для подвешивания (Агапов, 1979: 164, рис. 2). В раскопках Отрара XIII–XV вв. обнаружен ветхий прямоугольный деревянный гребень, у которого сохранилось лишь семь зубьев (Акишев, 1987: 210, рис. 97). Судя по археологическим материалам Казахстана, можно сделать вывод, что оформление гребней отражает различный социально-имущественный уровень заказчика. Присутствие с VIII в. до н.э. в женских казахстанских захоронениях гребней для волос свидетельствует не только о широте их распространения и связано с их символикой, но и, очевидно, с изменением погребальной обрядности, когда этот предмет становится необходимым атрибутом для усопшей в ином мире.

Интересно привести археологические артефакты из других стран. В Египте в бодариское время был обнаружен гребень с низкими мелкими зубьями и округлым верхом, дефиницию которому произвел Г. Брантон, определивший

функцию этого предмета как штамп для нанесения узора на сырую керамику (Brunton, 1928: 48). В этой же стране в могильниках середины IV тысячелетия обнаружены 6 образцов гребней, выполненных из слоновой кости, дерева с односторонними удлиненными зубьями. Верхняя часть этих гребней воспроизводит в обобщенной форме животных – птиц, козерога, антропоморфной личины (Кинк, 1976: 64, рис. 15). Обращая внимание на соотносимость пропорций, можно заметить, что верхнее навершие и длина зубьев бывают равномасштабными, либо верхняя часть доминирует по площади. Тогда как гребень (Кинк, 1976: 64, рис. 16) с относительно короткими зубьями, по отношению к высокой верхней части с изображением козерога – символа плодородия, скорее всего, не мог служить заколкой. Стало быть, такой предмет, видимо, мог выполнять функцию ритуального амулета.

В захоронениях второй пол. IV тысячелетия обнаружен гребень, выполненный из слоновой кости с короткими зубьями и со сквозным отверстием по центру, предназначенного, очевидно, для продевания шнура, чтобы удобно было носить на поясе. Этот предмет Х.А. Кинг (Кинк, 1976: 66, рис. 17) определяет, как амулет, хотя можно предположить, что изделие могло использоваться и в качестве штампа на керамику. Этим же периодом IV тыс. датируются две шпильки (для крепления прически), одна из которых орнаментирована сетчатым в косую узором, а другая имеет зубчатые края (Кинк, 1976: 66, рис. 18).

Ощутимый ремесленный сдвиг устанавливается у египтян в мастерстве резьбы по дереву в период Нового царства (1580–1085 гг. до н.э.). Об этом можно судить по изяществу исполнения гребня (с шестнадцатью зубьями) с фигурной ручкой, воспроизводящей горного барана (Моран, 1982: 178, рис. 296). Видимо, одновременно с появлением гребней происходило наполнение их знаковым содержанием, что обосновало, думается, изображение их в качестве апотропея, на одном из египетских керамических сосудов второй пол. IV тысячелетия (Кинк, 1976: 113, рис. 35).

Развитие декоративно-конструктивной формы верхней части гребней с односторонними зубьями приводит к процессу дифференциации данной категории предмета. Видимо, мастера начинают изготавливать гребни, сообразуя их оформление как с социально-имущественным статусом заказчика, так и с учетом их назначения: для устранения паразитов (с частыми зубья-

ми), расчесывания волос, т.е. бытового туалета (обычный гребень с выделяющимся верхом), для украшения женской прически (декоративный гребень-заколка), для включения предмета в традиционную обрядность (гребень с низкими зубьями), для использования парадно оформленного гребня с сюжетным рисунком в качестве важного общественного символа в ритуальных действиях.

В данном контексте своего рода художественным апогеем декоративного решения рассматриваемых древних изделий является выполненный греческим мастером V – IV вв. до н.э скифский золотой гребень из кургана Солоха (на левом берегу Днепра недалеко от г. Никополя России). Е.Ф. Королькова, основываясь на исследовательских данных ученых, композицию верхней части гребня трактует как отображение сцены битвы 3-х скифских воинов за династическую власть, один из которых близок к поражению (Королькова, 2006: 57, 58).

Дороговизна материала – золота, из которого выполнен гребень, уровень художественного оформления указывают, думается, на его высокую символическую значимость. К этому же периоду относятся два костяных гребня из мог. Хемчик-Бом (Тува), на одном из которых выгравированы изображения четырех антилоп, трех их голов, а также грифоней головы, а на другом – в этой же технике воспроизведены фигура козла с подогнутыми передними ногами и три головы антилопы (Вайнштейн, 1974, с. 22, рис. 15).

Модели бронзовых оберегов-гребней, увенчанных фигурой наподобие двухглавого орла – частая находка в археологических раскопках России; такие изделия включались в состав других оберегов, что определено тем, что гребни прямо связаны с гигиеной, а следовательно, со здоровьем и жизнью человека (Рыбаков, 1987: 544). На Руси в XI–XII вв., старинные гребни вырезали обычно из кости; изделия «украшались звериными головами, как бы «кусающих» врагов человека» (Рыбаков, 1987: 544, 20). Этот исследователь, анализируя костяные бытовые гребни XI–XII вв., обращает внимание на декор данных категорий предметов, отображающих космические объекты, птиц, зверей и т.д. Тогда как декор подвесных гребней-оберегов, по его мнению, характеризуется большей смысловой наполненностью защитно-охранного и стимулирующего плодородие направленности (Рыбаков, 1987: 544, 545).

В Европе первые гребни, обнаруженные в раскопках, относятся к каменному веку. (Кибала,

1988: 342). Вызывает интерес функциональное назначение гребня (с двухсторонними зубьями), выполненное в. X в. из слоновой кости. Предмет декорирован по центру резным узором в виде мотива древа с двумя противопоставленными птицами по бокам, представляющими собой, видимо, реликт древнего представления о бинарных оппозициях мира. Этот предмет, изготовленный в мастерских Меца Монастыря Ставело, обозначен французским исследователем Анри де Моран как литургический гребень (Моран, 1982: 280, рис. 474).

Во Франции с конца XIII в. значительно ремесленного подъема получила резьба по кости, сконцентрированная в Париже. С этого города распространялись по всей Европе изысканные костяные аксессуары туалета: гребни, шкатулки для зеркал и прочее (https://studopedia.ru/6_5163018).

В новое время – в XVIII в. гребни-заколочки получили своего высокого самовыражения в традиции Японии. Японские гребни-заколочки куси в XVIII в. выполнялись из панциря черепахи, а также лакированного дерева с росписью. Эти изделия являлись составной частью сложного головного украшения *кандзаси*. Несколько гребней-заколок (до трех единиц), а также шпильки были необходимы для укрепления чрезвычайно сложной прически, маркирующей, «женщин для удовольствий», в том числе гейш (<https://ru.wikipedia.org/wiki>).

В XIX в. особого художественного развития получили в Испании черепаший гребни со вставками из камней. Верхняя часть этих предметов изготовлялась ажурной подвеерообразной формы высотой до 20 см. Подобные гребни-заколочки пейнета вкалывались в прическу, а сзади на нее накрывалась кружевная вуаль (<https://pikabu.ru/story>), что придавало, думается, женскому образу ореол роскоши и некой таинственности. По сути, такие заколки с вуалью, можно полагать, служили своего рода этнокодом, маркируя этническую принадлежность испанской женщины. В силу декоративной выразительности испанские гребни-заколочки в XIX – нач. XX вв. вошли в моду среди аристократии как западной, так и восточной Европы. Гребни «в испанском стиле» стали изготавливаться в разных странах. К примеру, один из такого рода гребней 1824 г. хранится в пражском музее прикладного искусства (Кибалова, 1988: 344, рис. 554). Изделия, обозначаемые как «гребни в испанском стиле», изготавливались в 1925 г. даже индейскими (навахскими) народными ювелирами в Америке (Branson, 2000: 44).

В 1832 г. многие страны Европы захлестнула модная волна на гребни-заколки (с четырьмя и более зубьями) с роскошным разнообразием верхней части. Возвышающийся верх этих изделий представлял собой красочный орнаментальный декор растительного характера (Кибалова, 1988: 341, рис. 550). В целом, европейские гребни-заколки, изготовлявшиеся в дальнейшем профессиональными ремесленниками, отличались высоким уровнем исполнения. Их декоративно-образный характер решался соответственно меняющимся художественным стилевым направлениям (романскому, готическому, возрождению, барокко, рококо, классицизму и т.д.).

2. В Казахстане в XIX в. народные мастера *уста* из рога, кости и дерева изготавливали гребни как с односторонними, так и двухсторонними зубьями. Инфоры старшего возраста упоминают такого рода изделия, которыми пользовались их матери и бабушки. При этом, по их же сведениям, у казахов гребни с частыми зубьями не принято было выставлять на обозрение чужих, поскольку это указывало на антисанитарию, а также вероятностное проведение колдавских приемов (Полевые, 1974–1992).

Подобные гребни изготавливались также у других народов на всем пространстве СНГ. В этом контексте интересно отметить художественно примечательный якутский костяной гребень с двухсторонними зубьями, выполненный во 2-ой пол. XIX в. Изделие прямоугольной формы; его сетчатая ажурная центральная часть заполнена изображением птицы, фланкированной по бокам мотивами тюльпанов. Предмет обращает внимание чистотой технического исполнения, искусностью сквозной резьбы, воспроизводящей сюжетный рисунок (Хабарова, 1981).

Наряду со старинными ручной работы гребнями, выполненными из рога, кости и дерева, в том числе мужских карманных расчесок *қалта тарақ*, с нач. XX в. получили распространение фабричные гребни, произведенные из таких же материалов. Со второй четверти XX в. российская промышленность стала поставлять в Казахстан алюминиевые мужские и женские расчески. Среди них стали популярны женские гребни с односторонними зубьями и выпуклой спинкой, которые вкалывались на затылке в волосы, заплетенных в две косы.

Алюминиевые гребни с красивым декором привозили в качестве подарков также из Европы фронтовики, возвращающиеся после окончания Второй мировой войны (Полевые, 1974–1992). Казахские ювелиры *зергер* стали копировать эти

гребни, называя их *желке тарақ* (затылочный гребень); выполняя их из серебра *куміс тарақ* (рис. 2), иногда с позолотой *алтын тарақ*.

Верхние горизонтальные края таких гребней моделировались иногда сквозным узором, передающим мотивы полукруглой арки, правомочно интерпретируемой исследователями как схема небосвода (Рыбаков, 1987: 699, рис. 131). Кроме этого, часто вырезались треугольники вершиной вверх, трактуемые как обереги, символизирующие три мира (нижний, средний и верхний). Помимо этого, чеканом наносились солярные, звездчатые мотивы, наделявшие сознанием казахов идеями плодородия, очищения. Иногда на гребень наносили чеканом имя и год рождения владелицы, что придавало изделию, своего рода, «историчность». Стоили такие гребни, отражающие социально-имущественный статус, довольно дорого. За серебряный декоративно выполненный гребень отдавали стригунка, что было обосновано традиционным представлением казахов об очищающей, целебной, охранной силе как серебра, так и гребня (Полевые, 1974 – 1992 гг). Такого рода гребни содержатся во многих музейных коллекциях республики. С 1950-х годов XX в. широко распространились все описанные формы гребней, выполненных из пластмассы Российской промышленностью.

Рисунок 2 – Женский гребень *эйел тарақ*. 1933 г.
Серебро, резьба, чеканка
Семипалатинская обл. ГМИ РК

У кочевых казахов бытовали также гребни для животных *үй жануарлары тарақ*. Существовал гребень *ат тарақ* для коня, которым расчесывали гриву, под таким же названием костяной удлиненной пластиной без зубьев смахивали пот с лошади. Гребнем *ешкі тарақ* вычесывали у коз ценный пух, из которого после удаления ости вязали на зиму платки и прочие вещи. Гребни для животных используются не только из-за практических соображений, но и в силу наделения их традиционным сознанием защитно-охранной функцией.

3. Символика гребней во многом была связана с волосами человека, что обосновывает необходимость осмысления последних. В традиционном представлении казахов важной составляющей внешнего достоинства девушек считались длина и густота волос. Расчесывание волос считалось у казахов исключительно утренней процедурой: вечером такой туалет совершали только покойнику. Представление о наличии в волосах частицы жизненной энергии привело к запрету на состригание волос женскому полу из-за опасения, что кто-нибудь может через них нанести вред. Почти у всех народов мира существовало мнение, что в волосах содержится, не только энергетический заряд, но и вся информация о человеке (Фрезер, 1980: 263–267), поэтому можно было легко осуществить порчу на недруга. В связи с этим женщинам запрещалось вычесанные волосы выбрасывать. Их зарывали в землю во избежание использования их в зловерных целях (Диваев, 1901: 56). В то время как состриженные мужские волосы сразу сжигали.

Из этих же соображений казахи, как и узбеки, другие тюркоязычные народы Южной Сибири, а также монголы, народы Дагестана (Фахретдинова, 1972: 113; Львова, 1990: 60; Жуковская, 1990: 46, 47; Гаджиев, 1991: 67) состриженные волосы сорокадневного ребенка прятали, предварительно произведя с ними обрядовые действия. Народы Дагестана ко всему этому, пускали состриженные волосы ребенка по ветру, чтобы удлинить ему жизнь (Гаджиев, 1991: 67).

У казахов при совершеннолетию детей их мать, бывало, отдавала им в качестве амулета сохраненные их волосы, что имеет место и в других иноэтничных традициях. Так, к примеру, Л.Я. Штернберг пишет: «У многих народов ношение пряди собственных волос служило амулетом» (Штернберг, 1991: 114–117). Среди казахов бытовало мнение, что волосы людей другой национальности, в особенности русских – эффективное средство для лечения болезней, а также облегчения родов (Ходыров, 1916: 11; Валиханов, 1961: 56).

У казахов простоволосыми могли быть лишь девушки, имея возможность продемонстрировать красоту волос, тогда как женщина обязана была покрывать голову платком, тканевым убором *кимешек*, чтобы не демонстрировать всем, кроме как мужу, важнейшую составляющую часть своей привлекательности. Согласно мировоззрению восточных славян закрытие волос замужней женщиной должно было способствовать успешности в хозяйственных делах, тогда

как обнажение ею волос – «засветить волосом», расцениваемого как грех, предвещало беду (Маслова, 1984: 58). Как видим, как у казахов, так и у восточных славян, народов Центральной Азии, Кавказа и Востока данному обычаю (непрерывному закрытию своих волос замужними женщинами) придан характер императива. Более того, в Нагорном Дагестане в случае смерти молодого мужа, жена, случалось, отрезала косы, тем самым оповещая всех, что она никогда не выйдет повторно замуж, что является дериватом самосожжения (Гаджиев, 1991: 143). В данном обычае, считаем, просматривается идентификация косы с живым образом женщины, поскольку лишение волос приравнивалось к потере жизни.

Смысловое наполнение волос, по принципу контакта, переносилось и на гребни, магическая охранно-катартическая сила которых усиливалась, к тому же, из-за подобия зубам хищников. Иногда в конструкцию изделия включался также мотив когтей и клюва птицы, как в вышеотмеченном гребне III–I вв. до н.э. из могильника Казахского Алтая (Тасмагамбетов, 2003: 177). Миниатюрные модели гребней с короткими зубьями, использовавшиеся с древнейших времен для декорирования и магического «очищения» керамической посуды, очевидно, одновременно служили и амулетами для людей; их подвешивали с помощью шнура к поясу, так как потерянный амулет, предвещал плохое для хозяина. Как и при нанесении порчи недругу при помощи найденных волос (что имело место у всех народов мира), могли использовать и гребень в колдовских негативных целях. В связи с этим, этот предмет хранили в шкатулке *сандықша*, сумочке, а у многих мусульманских народов гребень заворачивали в молитвенный коврик *намазлық*.

Все эти вышеприведенные факты имели место также в традиции многих других народов, в частности русских. Согласно исследовательским данным Б.А. Рыбакова, «Включение изображения гребня в состав оберегов вполне естественно, так как этот предмет прямо связан с гигиеной, а следовательно со здоровьем и жизнью человека» (Рыбаков, 1987: 544). По его же мнению помимо зубов в обереги против зла включались изображения когтей хищника; все это предопределило появление правил обращения с гребнем, который запрещалось оставлять на столе, подоконнике (Рыбаков, 1971: 18, 19). Распространены были в бытовой среде русских также модели гребней-оберегов, использовавшихся, как гигиенически-медицинский профи-

лактический оберег для защиты от нечисти (Рыбаков, 1971:19).

У казахов каждая девушка владела гребнем. Более того, жених наряду с ювелирными украшениями, зеркалом, дарил по обычаю своей избраннице гребень, как и у иртышских татар (Селезнев, 1999:262), восточных славян (Маслова, 1984: 25) и у многих других народов. Тогда как у японцев в силу того, что лексема *куси*, обозначающая гребень, омонимична понятию смерть, не принято было дарить этот предмет отдельно. Гребень мог находиться лишь в составе подаренного головного украшения *кандзаси* (<https://ru.wikipedia.org/wiki>).

В традиции казахов существовало правило не давать постороннему использованный гребень, поскольку в нем сохранялась магическая сила хозяина. Соответственно просить чужой гребень, чтобы поправить прическу – дурной тон. Возбранилось отставлять вычесанный волос на гребне, их собирали, а затем сжигали. Казахи гребнем женщины, ушедшей в преклонном возрасте, охотно пользовались, веря, что предмет, по принципу контакта, обеспечит долголетие. В казахской родильной обрядности существовал прием разрезания пуповины девочки гребнем, что имело место также в традиции тоболо-иртышских татар, у которых, девушки, к тому же, с помощью гребня гадали о своей судьбе (Селезнев, 1999: 263).

В отличие от казахов, пользовавшихся гребнем, которым расчесывали волосы покойной, татары выбрасывали его в реку либо клали вместе с усопшей (Селезнев, 1999: 262). У восточных славян такой гребень также клали вместе с умершей (Маслова, 1984: 94).

4. Очевидно, в силу символической содержательности, образ гребня с интонациями чудодейственной магии получил отображение в смежных областях творческой деятельности казахского народа. К примеру, этот предмет нашел образно-художественное воплощение в традиционном текстиле, с целью придать им охраняющие качества. Мотив гребня изображался даже в XX столетии на казахских тканых полотнах типа *басқұр алаша* (Тохтабаева, 2008: илл. 55) и войлочных постилочных коврах типа *текемет* (Тохтабаева, 2017: рис. 27). Гребень, в силу катартической символики и как неперемный аксессуар женского туалета, необходимый в ином мире, изображался на западноказахстанских могильных стелах и некрополях, преимущественно, в Мангистауской обл. XVII – XIX вв. (Ажигали, 2014: 438].

В силу контакта с энергетическими волосами, а также собственных «магических» свойств гребни стали осмысливаться как сакральные предметы, поэтому их хранили, как было сказано, в укромном месте. Вера в такие свойства гребней – основная причина использования этого образа в тамгах казахских родов и подразделений, а также фольклоре, в том числе, мировом.

Издrevле гребень – неперемный аксессуар женской гигиены, осмысливался у многих народов как чудодейственный предмет, что отображено и в казахском фольклоре. В частности в казахской сказке «Хан и джигит» гребень и зеркало фигурируют в качестве волшебных предметов. Гребень фигурирует как атрибут золотоволосой девушки *Алтанишаш* и одновременно демонической женщины *Албасты* (Кондыбай, 2008: 225–227), в чем можно установить отголосок первобытного дуализма. Заслуживает внимания легенда, где золотой гребень *алтын тарақ*, брошенный Баян-Слу на одну из гор, служит пространственным ориентиром для жениха. Значительно, что лексема гребня *алтын тарақ* до сих пор является названием горы в Восточно-Казахстанской области (Козы-Корпеш, 1958: 340).

Можно привести примеры из мифологии и фольклора других народов. К примеру, образ гребня фигурирует в древнегреческой мифологии. Афродита, нежась в опочивальне, расчесывает золотым гребнем кудри, тогда как ее муж – кузнец Гефест трудится у наковальни в своей кузнице (Кун, 1984: 48), в чем прослеживается архетипическое противопоставление труда и изнеженности. В русских сказках волшебный гребень в руках героя является мощным оружием против нечистой силы. Герой бросает позади себя гребень и перед Бабой-Ягой вырастает дремучий лес или непреступные горы (Рыбаков, 1987: 544).

Мотив гребня *тарақ* с тремя зубьями является тамгой племени *табын*, а с двумя зубьями – поколения *жетыру* Младшего жуза (Астафьев, 2014: 180, 185), а также рода *тарақты* Среднего жуза (Астафьев, 2014: 188). Выбор изображения гребня в качестве тамги казахскими указанными племенными подразделениями из разных жузов, очевидно, обоснован традиционным представлением о защитно-катартической магической силой этого предмета.

Результаты и обсуждение

Исследование археологических и этнографических материалов по изучаемому объекту Ка-

захстана, Центральной Азии, Восточной Европы и Ближнего Востока позволили обозначить ниже следующие результаты.

Культурно-генетический анализ показал временную глубину происхождения гребней. Первоначально в захоронениях преобладали простые кости с обработанными под зубцы краями, с помощью которых наносили узор на сырую керамику как для декоративности, так, видимо, и для придания защитной магии. Позже для этих же целей в захоронениях уже обнаруживаются специальные прямоугольные гребни-штампы с короткими зубьями.

Наиболее древний образец полноценного гребня для расчесывания волос обнаружен в Египте в IV тысячелетии. В зарождении конструкции гребня, можно предположить, отобразилось архаичное мировоззрение человека о противопоставлении двух дуальных сил. Демонической нечисти, т.е. паразитам, угрожающим здоровью, были контрастированы вырезанные зубья, ассоциировавшиеся с устрашающими зубами хищников. В этом, можно сказать, прослеживается задействованность амбивалентного кода – архетипической матрицы коллективного бессознательного. В связи с чем в прошлом для изготовления гребней служили, в первую очередь, клыки и кости хищника, рога животных, а затем дерево.

Историко-сравнительный анализ традиционных конструктивно-функциональных и символических особенностей гребней (в общемировом пространстве) позволил установить общность (с некоторыми вариациями) признаков в обозначенных объектах исследования. С течением времени гребни наполнялись новыми декоративными идеями сообразно этническим особенностям и художественной эволюции. Определенные конструктивные различия верхней части гребней стали устанавливаться соответственно положению ремесленного уровня европейских стран, что было связано со спецификой цивилизационного развития. К примеру, художественно выразительные гребни-заколки Франции, Испании XIX в. стали копироваться иноэтничными мастерами, благодаря чему эти предметы получили широкое распространение в аристократических кругах Америки, России и других стран.

Образно-идеологическая суть гребня основана на сплаве, как внутренних «магических» свойствах катартического характера (вследствие наличия зубьев, ассоциативно уподобленных зубам хищников), так и внешних: по причине контакта с информационно-энергетическими во-

лосами (по которым, как оказалось, благодаря современным молекулярно-генетическим исследованиям, можно установить генный код человека), а также из-за дополнительного введения в предмет значимых изобразительных образов.

Семантический анализ гребней установил синкретизм их «магических» свойств. С одной стороны, в таких предметах, где воспроизведены пара орлов, их головы, клювы, когти, актуализируется их охранно-защитная роль, тогда как в гребнях, где присутствуют пластические воспроизведения горного козла или барана – символов плодородия, задействуется функция стимулятора богатства.

В целом, по функции назначения и смысловой значимости гребни можно поделить на гребни-штампы, предназначенные для декора сырой керамики; гребни-амулеты, носимых, очевидно, вплоть до среднего средневековья с помощью шнура на поясе; гребни для расчесывания волос и заколки для женских причесок; а также гребни для устранения паразитов.

Последний тип двухсторонних гребней с частыми зубьями мог использоваться также для совершения определенной магии, направленной не только против недруга, но и, в целом, невидимой иррациональной нечисти, что, видимо, обосновало использование подобного гребня X в. в Божественных литургиях у христиан Западной Европы.

Особой значимостью отличались, видимо, статусные гребни общественно-социального назначения, использовавшиеся для свершения ритуальных действий. В них изобразительный сюжет, можно полагать, направлен на «магическое» проигрывание военного успеха, что должно было, по принципу подобия, привести к желаемому в реальной жизни (гребень из кургана б комплекса Таксай I Теректинского района Западно-Казахстанской обл., скифский золотой гребень из кургана Солоха (на левом берегу Днепра недалеко от г. Никополя России)). Можно предположить также, что гребни с другими сюжетными рисунками могли, по принципу подобия, содействовать плодородию и, в целом, общественному благополучию союза племен, родов и т.д.

В целом, как показывает изложенный материал, изначальное символическое ядро гребней в ходе своего развития, очевидно, вплоть до конца XIX в. обрастало дополнительными миссформами, а после этого рубежа, напротив, происходит убывание смысловых признаков. Тем не менее, до сих пор рудименты защитно-катартического осмысления гребней прослеживаются

в современной этнографии. Этот факт демонстрирует, прежде всего, эффективную силу воздействия на психику человека архетипических паттерн коллективного бессознательного, а также подтверждает тезис о том, что «Культурный прогресс потому только и возможен, что при отпадении одних элементов культуры как устаревших остаются другие, уже более или менее устойчивые, если не прямо постоянные...» (Лосев, 1982: 456).

Заключение и выводы

Цели статьи – выявление общности сущностной основы обозначенного объекта в широком временном и пространственном диапазоне, а также установление роли архетипических паттерн в возникновении и сходности гребней в общемировом аспекте.

Методика была сведена к культурно-генетическому, историко-сравнительному, семиотическому, структурно-функциональному анализу с использованием данных междисциплинарных наук (археологии, этнологии, искусствоведении, семиотики, фольклористики).

Следует отметить, что в существующих культурологических исследованиях иноэтнические влияния, объяснялись, преимущественно, эффектами торгово-политических взаимодействий. Тогда как итоги данной статьи подтверждают истинность выдвинутого утверждения, о том, что общность базисной предметно-символической структуры традиционных гребней народов мира определена архетипическими образами, рожденными вследствие коллективного бессознательного.

Результаты, полученные на основе комплексно-системного анализа конкретной категории предмета, представляют собой существенные дополнения инновационного характера в теорию этиологии культур. Итоги и положения статьи, внося определенные изменения в гуманитарные знания, могут быть применены в образовательной сфере, а также политике.

Таким образом, итоги работы, демонстрируя идею общности архетипических образов в культуре всего человечества, направлены на формирование нового «коллективного» миролюбивого сознания людей, что важно при существующей политической обстановке в мире.

Литература

- Полевые материалы автора, собранные в Западном, Северном, Восточном, Южном Казахстане в период 1975 – 2000 гг. Алтынбек К. (2013) Возрожденная их пепла. Алматы-Уральск: Остров Крым.
- Рыбаков Б.А. (1987) Язычество древней Руси. Москва. Наука.
- Кибалова, О. Гербенюва, М. Ламарова. (1988) Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артня.
- Сергеева Ю.К. (2012) Гребни Западной Сибири эпохи бронзы – средневековья. Специальность. 07.00.06 – Археология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск.
- Кондратьева О.А. (2011) Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси-России. Археологические и этнографические очерки. Санкт-Петербург.
- История Казахстана. (2006) Т. I. Алматы: Атамұра, 1996
- Зайберт В. (2011) Ботай у истоков степной цивилизации. Алматы: Балауса.
- Археология Казахстана. Алматы, Онер.
- Агапов П., Кадырбаев М. (1979) Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын.
- Тасагамбетов И. (2003) Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы: ОФ «Берел».
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович. Л.Б. (1987) Отрар в XX веках. Алма-Ата: Наука, Brunton G. Caton-Thompson G. (1928) The Bardarian Civilisation and Predynastic Remains near Badari. London.
- Кинк Х.А. (1976) Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. Москва. Наука.
- Анри де Моран. (1982) История декоративно-прикладного искусства. Москва. Искусство.
- Королькова Е.Ф. (2006) Властители степей. Санкт-Петербург: АРС.
- Вайнштейн С. И. (1974) История народного искусства Тувы. Москва, Наука.
18. https://studopedia.ru/6_51630_glava--dekorativno-prikladnoe-iskusstvo-epohi-srednevekovyia.html. 24. 08. 2018
- [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гребень_\(украшение\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гребень_(украшение)). 18.08. 2018
- https://pikabu.ru/story/grebenpeyeta_4871928. 17.08. 2018
- Oscar T. (2000) Branson. Indian jewelry making. Tucson, AZ: Sung.
- Хабарова М.В. (1981) Народное искусство Якутии. Ленинград: Художник РСФСР.
- Фрезер Дж. (1980) Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва.
- Диваев А.А. (1901) Приметы на разные случаи// Этнографические материалы, вып. У11. Ташкент.
- Фахретдинова Д.А. (1972) Декоративное прикладное искусство Узбекистана. Ташкент.
- Львова Э.В., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. (1988) Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск.

- Жуковская Н.Л. (1990) Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. Москва. Наука.
- Гаджиев Г.А. (1991) Доисламские верования и обряды народов нагорного Дагестана. Москва, Наука.
- Штернберг Л.Я. (1931) Орнамент из оленьего волоса и игл дикообраза. – СЭ, 3–4. Ходыров Л. Из киргизских поверий (1916) // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Вып. 35. – С. 187–203
- Валиханов Ч.Ч. (1961) Следы шаманства у киргизов // Собр. Соч.: В 5 т. Алма-Ата. Т. 1.
- Маслова Г.С. (1984) Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19–нач. 20 в. Москва. Наук.
- Рыбаков Б.А. (1971) Русское прикладное искусство 10-13 вв. Ленинград, Аврора.
- Селезнев А.Г. (1999) Копье и гребень (к семантике антропоморфных надмогильных сооружений тоболо-иртышских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Москва-Омск. С. 254–260
- Тохтабаева Ш.Ж. (2008) Шедевры Великой степи. Алматы: Дайк-Пресс.
- Тохтабаева Ш.Ж. (2017) Этнокоды в декоративно-прикладном искусстве казахов. Алматы: Ғылым ордасы,
- Ажигали С. (2014) Памятники Манкыстау и Устыурта. Книга-Альбом. Алматы: Онер.
- Кондыбай С. (2008) Мифология предказахов. Книга третья. Алматы, СаГа.
- Козы-Корпеш и Баян-слу (1958) // Казак эпосы. Алматы. С. 473–570
- Кун Н.А. (1984) Легенды и мифы и древней Греции. Фрунзе, Мектеп.
- Астафьев И.В., Кукашев Р.Ш. (2014) Родоплеменной состав казахов. Алматы, Дәур Кітап.
- Лосев А.Ф. (1982) Знак. Символ. Миф. Москва, Московского университета.

References

- Agapov P., Kadyrbaev M. (1979) Sokrovisha drevnego Kazakhstana [Treasures of ancient Kazakhstan]. Alma-Ata: Zhalyln.
- Akischev K.A., Baypakov K.M., Erzakovich. L.B. (1987) Otrar v XX vekah [Otrar in the twentieth century]. Alma-Ata: Science.
- Altynbek K. (2013) Vozrojdyonnaya ih pepla [Revived of their ashes]. Almaty-Uralsk: the Island of Crimea.
- Archeology of Kazakhstan. (2006), Almaty: Oner, pp. 256.
- Astafev I.V., Kukashev R.Sh. (2014) Rodoplemennoy sostav kazakhov [Tribal composition of the Kazakhs]. Almaty: Daur Kitap.
- Azhigali S. (2014) Pamyatniki Mankystau i Ustyurta [Monuments of Mankystau and Ustyurt]. Book Album. Almaty: Oner.
- Brunton G. (1928) Caton-Thompson G. The Bardarian Civilisation and Predynastic Remains near Badari. London.
- Divaev A.A. (1901) Primety na raznie sluchai [Signs for different cases] // Ethnographic materials, vol. Y11. Tashkent.
- Fakhretdinova D.A. (1972) Dekarotivnoe prikladnoe iskusstvo Uzbekistana [Decorative applied art of Uzbekistan]. Tashkent.
- Fraser J. (1980) Zolotaya vetv. Isledovanie magii i religii [Golden branch. The study of magic and religion]. Moscow.
- Gadzhiev G.A. (1991) Doislamskie verovaniya i obryadi narodov nagornogo Dagestana [Pre-Islamic beliefs and rites of the peoples of upland Dagestan]. Moskow. Nauka.
- Henri de Moran. (1982) Istoriya dekarativno-prikladnogo iskusstva [The history of arts and crafts]. Moskow. Art.
- History of Kazakhstan. (1996) T. I. Almaty: Atamura.
- https://pikabu.ru/story/grebenpeyeta_4871928. 17.08. 2018
- [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гребень_\(украшение\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гребень_(украшение)). 18.08. 2018
- https://studopedia.ru/6_51630_glava--dekarativno-prikladnoe-iskusstvo-epohi-srednevekovya.html. 24. 08. 2018
- Khabarova M.V. (1981) Narodnoe iakusstvo Yakutii [Folk art of Yakutia]. Leningrad: Artist of the RSFSR.
- Kibalova, Gerbenova O., Lamarova M. (1988) Ilustrirovanaya enciklopediya modi [Illustrated encyclopedia of fashion]. Prague: Artija.
- Kink H.A. (1976) Hudojestvennoe remeslo drevneyshego Egipta i sopredelnih stran [The craft of ancient Egypt and neighboring countries]. Moskow. Science.
- Kondratieva O.A. (2011) Grebni IX– XIX veka v bitu, obryadah, folklore, remesle i hudojestvennom tvorchestve Drevney Rusi-Rossii [Crests of the IX – XIX centuries in everyday life, ceremonies, folklore, craft and artistic creativity of Ancient Russia-Russia]. Archaeological and ethnographic essays. St. Petersburg.
- Kondybay S. (2008) Mifologiya predkazahov [Mythology of precursors]. Book three. Almaty: SaGa, pp. 434.
- Korolkova E.F. (2006) Vlastiteli stepey [The rulers of the steppes]. Sankt- Petersburg: ARS, pp. 135.
- Kozy-korpesh i Bayan-Sulu (1958) [Kozy-Korpesh and Bayan-Slu] // Kazak epics. Almaty. Pp.473–570.
- Kuhn N.A. (1984) Legendy i mify i drevney Grecii [Legends and myths of ancient Greece]. Frunze. Mektep.
- L. Khodyrov. (1916) Iz kirgizskih verovaniy [From the Kyrgyz Beliefs] // Proceedings of the Orenburg Scientific Archives Commission. Issue 35. pp. 187–203.
- Losev A.F. (1982) Znak. Simvol. Mif. [Sign. Symbol. Myth.] Moskva: Publishing House of Moscow University.
- Lvova E.V., Oktyabrskaya I.V., Sagalaeв A.M., Usmanova M.S. (1988) Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshniy mir [The traditional worldview of the Türks of Southern Siberia. Space and time. The real world]. Novosibirsk.
- Maslova G.S. (1984) Narodnaya odejda v vostochnoslavjanskikh tradicionnih obichiyah i obryadah 19 – nachalo 20 veka [Folk clothing in East Slavic traditional customs and rituals 19– beginning of 20]. Moskow. Nauka.
- Oscar T. Branson. (2000) Indian jewelry making. Tucson, AZ: Sung.
- Rybakov B.A. (1971) Russkoe preklodnoe iskusstvo 10-13 vv. [Russian applied art 10-13 centuries]. Leningrad: Aurora.
- Rybakov B.A. (1987) Yazichestvo drevney Rusi [Paganism of ancient Russia]. Moskow Science.
- Seibert V. (2011) Botay u istorikov stepony civilizacii [Botai at the source of the steppe civilization]. Almaty: Balausa.

Seleznov A.G. (1999) Копье I greben (k semantike antropomorfnykh namogilnykh sooruzheniy tobolo-irtishskikh tatar [Spear and crest (on the semantics of the anthropomorphic namogilnye structures of the Tobolo-Irtysh Tatars)]. Integration of archaeological and ethnographic research. Moscow-Omsk, – pp. 254–260.

Sergeeva Yu.K. (2012) Grebni Zapadnoy Sibiri epohi bronzy – srednevekovaya. [Crests of Western Siberia of the Bronze Age – the Middle Ages]. Specialty. 07.00.06 – Archeology. Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Novosibirsk.

Shternberg L.Ya. (1931) Ornament iz olyenyego volosa I igl dikoobrazu [The ornament of deer hair and needles of the porcupine]. Sovetskaya Etnografiya, 3-4. – pp. 114–117.

Tasmagambetov I. (2003) Kentavri Velikoy stepi. Hudojestvennaya kultura drevnykh kochevnikov [Centaurs of the Great Steppe. The artistic culture of the ancient nomads]. Almaty: PF «Berel», 336.

The field materials of the author collected in Western, Northern, Eastern, Southern Kazakhstan in the period 1975 – 2000.

Tokhtabaeva S.Zh. (2008) Shedevri Velikoy stepi [Masterpieces of the Great Steppe]. Almaty: Dayk-Press.

Tokhtabaeva S.Zh. (2017) Etnokodi v dekarativno-prikladnom iskusstve kazahov [Ethnic codes in decorative arts of the Kazakhs]. Almaty: Gylym Ordasy.

Valikhanov Ch.Ch. (1961) Sledi shamanstva u kirgizov [Traces of shamanism in Kyrgyz]. Coll. Cit.: In 5 tons. Alma-Ata. T. 1. pp. 469–493.

Weinstein S. I. (1974) Istoriya narodnogo iskusstva Tuvi [The history of folk art of Tuva]. Moskva. Science.

Zhukovskaya N.L. (1990) Sudba kochevoy kulturey. Rasskazi o Mongolii I mongolah [The fate of nomadic culture. Stories about Mongolia and Mongols]. Moskva. Science.